

О ПРИНЦИПАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АВТОРСТВА
В СВЯЗИ С ОБЩИМИ ПРОБЛЕМАМИ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная сессия
(Тезисы докладов и сообщений)

ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ ТЕКСТОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. С. Лихачев

1. Вопрос об авторстве того или иного произведения в древнерусской литературе значительно сложнее, чем в литературе нового времени: что называть автором в древнерусской литературе и что называть его произведением? Как отграничить одного автора от другого, автора от компилятора (составителя свода), компилятора от переписчика, различные произведения друг от друга? В какой мере показания стиля и идеологии могут считаться достоверными для доказательства принадлежности произведения тому или иному автору, имея в виду, что индивидуальные авторские особенности развиты в древнерусской литературе слабее, чем в литературе нового времени? и т. д.

2. Прежде всего — что называть произведением в древнерусской литературе, как отграничить одно произведение от другого и, следовательно, как разграничить работу авторов? В решении этой проблемы есть специфические трудности. Многие из произведений древнерусской литературы представляют собой коллективные, многослойные произведения, компиляции или литературные обработки предшествующих произведений. В составлении некоторых памятников древней русской литературы принимало участие много авторов, работавших разновременно, дополнявших и переделывавших работу своих предшественников. Известно, что летописи представляют собою своды предшествующего летописного материала. Работа различных летописцев соединена в них и крупными и отдельными небольшими кусками — летописными статьями под каждым годом отдельно.

Работа по атрибуции отдельных летописных текстов связана поэтому прежде всего с работой по раслаиванию летописи и по ее хронологизации. Точно такое же соединение многих мелких и крупных авторских текстов представляют собой хронографы, степенные книги, отчасти некоторые исторические повести и т. п. Житие святого также является по большей части соединением работ многих авторов. Как правило, дополнительные части в житии святого — рассказы о его посмертных чудесах — составлялись позднее и принадлежали различным авторам. Но и основной текст жития часто представляет собой «украшенный» текст, составленный на основе первоначального, «неукрашенного» и частично сохраняющий этот первоначальный текст. Даже в тех случаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, представляется иногда нелегким отделить его самостоятельную творческую работу от нетворческого включения заимствований из других памятников и от литературной обработки фольклорного или письменного материала.

3. Не менее сложный вопрос состоит в том: как отделить авторскую работу от работы редактора. Один и тот же автор часто выступает при создании своего произведения и как автор — для тех частей произведения, которые он пишет самостоятельно, и как редактор — для тех частей, где он только обрабатывает предшествующие источники. Так часто бывает в летописании и хронографии, но также бывает и в сочинениях других жанров, по преимуществу исторического характера. Вот почему исследователи древней русской литературы нередко вынуждены говорить не об авторах, а о

древнерусских «книжниках» вообще, или о компиляторах, «сводчиках», летописцах и т. д., — каждый раз применяя особый термин к тому роду работы, которая была выполнена по данному произведению. Понятие автора оказывается слишком общим и неточным в применении к большинству древнерусских произведений. Понятие «автор» даже в большей степени неопределенно, чем понятие «авторский текст». Древняя русская литература в отношении к авторству своих произведений занимает промежуточное положение между коллективным народным творчеством и индивидуальным творчеством нового времени. Коллективное начало в нем очень сильно, текст произведений неустойчив, подвижен, а понятие авторской собственности весьма своеобразно.

4. Исследователь древней русской литературы, решая вопрос об авторстве, вынужден не отделять его от вопросов строения произведения, истории его создания, определения времени его возникновения в целом и в отдельных частях, от судьбы текста в последующее время, от вопроса о сохранности авторского текста и т. д. Определяя автора того или иного произведения, исследователь обязан точно оговаривать — в чем выразилось это авторство, где и в каких частях оно проявилось полностью, а где частично и т. д. Простая атрибуция произведения при изучении древнерусского произведения далеко недостаточна, — надо каждый раз конкретно определять не только автора, но и его авторскую работу. Следовательно, применительно к древней русской литературе, мы должны сказать, что вопрос об атрибуции произведения есть частный вопрос истории текста этого произведения.

5. В подавляющем большинстве случаев, русские литературные произведения вплоть до самого XVII в. не надписывались именем автора. Исключение по большей части составляли церковно-учительские произведения: здесь имя автора увеличивало авторитет поучения, слова, послания. В этом роде произведений мы наблюдаем обратное стремление: выставлять имя какого-либо церковно-авторитетного лица в качестве автора анонимного произведения. Приписывание произведений какому-либо известному и авторитетному автору, могло происходить и сознательно, и «бессознательно». В первом случае писец допускал сознательную фальсификацию, а в последнем случае писец был внутренне убежден в правильности своей «атрибуции». Иногда имя автора появлялось в заглавии произведения в результате ошибки писца

или неправильного осмысливания неясного чтения. С другой стороны, вследствие неясных представлений об авторстве автором произведения иногда считается его переписчик, редактор, составитель компиляции. Бывают случаи, когда автором произведения считается лицо, которому принадлежит основная мысль произведения, или лицо, сообщившее фактические сведения, рассказываемые в произведении.

6. Чрезвычайно большой интерес представляют случаи, когда автор, писец или редактор, хотя и не называют себя по имени, но все же говорит о себе в первом лице. Такие высказывания о себе встречаются и в летописании, и в житийной литературе, и в повестях, но чаще всего они проникают в учительскую литературу. По этим высказываниям, даже если автор их и не называет себя по имени, мы все же можем о нем кое-что и узнать: присутствовал ли он при том или ином событии, каково его личное отношение к описываемому; иногда мы узнаем о его социальном положении, о его местожительстве и т. д. Так или иначе, но в этих высказываниях о себе исследователь получает в руки нить, по которой он может иногда разыскать автора. Однако из-за сводного (компилятивного) характера многих древнерусских литературных произведений нередко бывает трудно решить: какая часть произведения принадлежит лицу, заявившему о себе в исследуемом произведении: является ли он автором всего произведения или только его части, был ли он автором или редактором, на каком этапе жизни памятника он внес заметки о себе и т. д.

7. Одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору, извлекается из тайнописных записей. Объясняется это тем, что тайнописных записей об авторе не делали переписчики рукописей или их редакторы. Тайнописью запечатлевали свои имена только сами авторы (поэтому-то в тайнописи встречаются указания на русских авторов, но нет указаний на переводных авторов). Делалось это из авторской скромности. Очевидно две тенденции боролись в составителях тайнописных записей: желание увековечить в произведении свое имя как автора и, одновременно, сознание нескромности этого желания. Именно этой борьбой и вызывалось, очевидно, это типичное средневековое явление — тайнописные записи о своем авторстве древнерусских писателей. Как бы то ни было, психологическая борьба эта могла быть только у самых

авторов, и поэтому тайнописные записи заслуживают наиболее внимательного изучения.

8. Как бы ни была убедительна атрибуция произведения по тайнописи, она не снимает необходимости изучать историю текста, ибо объем произведения, вид его и пр. все равно требует своего установления. Только тогда, когда мы переходим к произведениям нового времени с их стабильным текстом, возможна «чистая атрибуция». К таким произведениям со стабильным текстом относятся стихотворения. Вот почему атрибуция по акростихам (а акростих в той или иной степени также может быть отнесен к тайнописи) представляет собой наиболее удобный и отчетливый источник для атрибуции, не требующий своего «продолжения» в истории текста.

9. Изучение идеологии произведения может дать более или менее показательные материалы для атрибуции только в том случае, если в полной мере принята во внимание вся история идей, история общественной мысли той эпохи, к которой относится произведение. При атрибуции по идейным признакам особенно показательны оттенки мысли, способы доказательств и самый ход рассуждений: все то, в чем может отчетливее всего проявиться индивидуальность автора.

10. В какой мере при определении автора произведения могут быть приняты во внимание индивидуальные особенности стиля? В пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени. Происходит это не только потому, что тексты в древнерусской литературе очень подвижны и «чистый авторский текст» доступен исследователю древней русской литературы только в редких случаях, но и потому еще, что авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой литературе. Здесь сильнее дают себя знать воля заказчика произведения, требования жанра и, в особенности, требования литературного этикета. Летописец меняет манеру своего изложения в зависимости от того — говорит ли он о князе или о епископе, рассказывает ли он о битве или о жизни святого, дает ли он посмертную характеристику князю или составляет обычную годовую статью с краткими записями об основных событиях года и т. д. В некоторых случаях он пишет на церковно-славянском языке, в других — прибегает к языку русской деловой прозы и т. д. Те же колебания в манере изложения встречаем мы у агиографа и проповедника, паломника и составителя исторической повести.

Тем не менее индивидуальные особенности стиля могут быть выделены не только у автора, но и у редактора произведения. Правда, выделяя эти индивидуальные особенности, необходимо быть чрезвычайно осторожным. Индивидуальные особенности стиля достовернее в тех случаях, когда они бессознательны, явились не преднамеренно, а в результате привычки. Древнерусский книжник не стесняется заимствовать стилистические обороты, образы, целые куски у своих предшественников. Он может усвоить чужую манеру изложения (в той же мере, в какой переписчик иногда усваивал почерк оригинала). Однако это усвоение по большей части является следствием его сознательных стремлений сделать свое произведение лучше, красивее «ученее». Вот почему нужно с большой осторожностью относиться ко всем особенностям стиля, которые могли явиться плодом сознательных усилий автора. Привычка же к отдельным словам, оборотам, не имеющим особых художественной или идейной силы, — гораздо показательнее.

11. Данные языка древнерусских произведений представляют очень важный материал для суждения о происхождении автора. Исследование этих данных облегчается тем обстоятельством, что в древней Руси не было устойчивой орфографии и устойчивых требований литературной речи и поэтому природный язык автора не ограничивался в той же мере обязательными нормами, в какой ими ограничивался язык авторов нового времени. Новгородизмы и псковизмы, оканье и аканье, отдельные областные слова проникали в древнерусскую письменность довольно свободно, позволяя тем самым легко определить областное происхождение автора. Дело затрудняется однако тем обстоятельством, что язык переписчика или редактора проникает в произведение в той же мере, что и язык автора.

Поэтому чрезвычайно важно выявить все признаки, по которым можно отделить языковые особенности переписчика или редактора, проникшие в произведение, от языковых особенностей авторского текста. Само собой разумеется, что лексика будет меняться переписчиком реже, чем редактором, и что лексические данные поэтому будут наиболее показательными для языка автора, а не для языка переписчика или редактора. Но в целом надежно помочь в этом отделении языка переписчиков и редакторов от языка автора сможет только исследование языка всех списков и установление полной истории текста произведения. Следовательно и в этом во-

просе история текста играет решающую роль. Механические приемы выделения авторского языка, путем ли отбрасывания индивидуальных чтений или подсчета большинства чтений, в данном случае непригодны, как они непригодны и в других случаях изучения истории текста произведений.

12. Особенное значение в определении авторства имеет совпадение показаний разнородного характера. Если к установлению авторства приводит группа разнородных признаков: например, основанных на анализе языка и стиля, идейного содержания, на косвенных указаниях в тексте самого произведения и в документах эпохи, на данных палеографии и т. д., то доказательность атрибуции значительно повышается. В атрибуции текста может считаться доказанной тогда, когда она сочетается со всеми данными по истории текста произведения, с полным его историко-литературным, источниковедческим, лингвистическим и пр. исследованием.

13. История древней русской литературы знает очень много примеров недостаточно обоснованных атрибуций. Нередко болезненное стремление к значительным выводам и «открытиям» без уравновешивающего это стремление чувства научной ответственности приводит к поспешным, хотя и эффективным выводам. Поскольку эффективные выводы легче всего удаются на значительных произведениях, — больше всего различного рода необоснованных атрибуций было сделано в отношении известнейших памятников.

14. Особенно опасен путь, на который, к сожалению очень часто становятся исследователи древнерусской литературы, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы. Так например, Пахомию Сербу, известному автору середины XV в., приписывалось Сказание о князьях Владимирских, старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею, создателю известной теории Москва — третий Рим, — Хронограф 1512 г., Ивану Грозному — сочинение Ивана Пересветова, Ермолаю Еразму — Повесть о Петре и Февронии Муромских и т. д. Как правило, чем известнее лицо, которому приписывается то или иное произведение, тем меньше приводится доказательств, тем «общее» и неопределеннее соображения, по которым осуществляется атрибуция.

15. Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются косвенными соображениями, не приводя решающих аргументов. Косвенные соображения, как много бы их ни было,

не могут иметь полной силы, особенно если эти косвенные соображения в свою очередь опираются на гипотезы и косвенные соображения. Косвенные соображения могут лишь подкреплять основной аргумент исследователя — не более.
